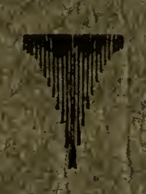
М. БѢЛЕВСКАЯ
(Петягина).

СТАВКА
Верховнаго Главнокомандующаго в Могилевѣ
1915 — 1918 г.

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ВИЛЬНО — 1932 г.

М. БѢЛЕВСКАЯ
(Петягина).

СТАВКА
Верховнаго Главнокомандующаго в Могилевѣ
1915 — 1918 г.

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ВИЛЬНО — 1932 г.

ТИПОГРАФІЯ
Я. ЛЕВИНА
ВИЛЬНА,
НѢМЕЦКАЯ УЛ. 22

Содержаніе.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Против строгих законое судьбы...
Лермонтов.

От автора.

Я жила в Могилевѣ во время войны и в первые годы Революціи.

Я видѣла людей и наблюдала внѣшнюю сторону событій, имѣвших роковое значеніе в судьбѣ Россіи.

Я не вхожу в оцѣнку внутренняго смысла событій, не сужу об их политическом значеніи и ограничиваюсь только тѣм, что видѣла и слышала сама.

То, о чем я пишу, является мелкими штрихами, бѣглыми силуэтами, но так как все это относится ко времени исключительному, котораго Россія никогда не забудет, к событіям, в которых каждая мелочная черточка важна, я рѣшаюсь опубликовать мои воспоминанія.

Позволяю себѣ думать, что бытовая сторона событій, так как она проявлялась и воспринималась в будничной жизни провинціальнаго обывателя все же может представить нѣкоторый интерес.

Предсказаніе.

Настанет год, Россіи черный год,
Когда царей корона упадет,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитти закон;
Когда чума от смрадных мертвых тѣл
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать;
И станет глад сей бѣдный край терзать;
И зарево окрасит волны рѣк.
    В тот день явится мощный человѣк,
И ты его узнаешь, — и поймешь,
Зачѣм в рукѣ его булатный нож.
И горе для тебя! Твой плач, твой стон;
Ему тогда покажется смѣшон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Лермонтов.

1830 год.

Могилев до войны.

До войны Могилев ничѣм не был замѣчателен и ничѣм не выдѣлялся из ряда многочисленных русских губернских городов.

Он уютно и живописно расположился на высоком правом берегу Днѣпра, широко раскинув по низкому луговому лѣвому берегу свое предмѣстье с очень неблагозвучным названіем „Луполово", об'яснявшимся тѣм, что большинство населенія занималось кожевенным промыслом.

Двѣ главных улицы параллельными линіями пересѣкали город и упирались, как водится, в небольшую площадь, на которой находился двухэтажный губернаторскій дом, окружной суд и другія присутственныя мѣста, так сказать, мозг и сердце цѣлой губерніи.

Там же возвышалась старинная круглая башня-ратуша, воспоминаніе о старинѣ глубокой, свидѣтельница долгих и упорных споров между Россіей и Польшей, дававшая пріют на своем фронтѣ уставшим от боя и празднующим побѣду, то польскому бѣлому орлу, то двуглавому, русскому.

В концѣ площади был расположен городской сад, называвшійся „Валом", с широкими тѣнистыми аллеями и очень красивым видом на Днѣпр. По праздникам на „Валу" устраивались гулянья. Играл военный оркестр. Аллеи заполнялись публикой. В обыкновенные дни было тихо, торжественно и красиво. У входа стояла арка, на которой крупными буквами было написано: „Добро пожаловать", а с обратной стороны: „Вернитесь, погуляйте еще!"

Ни фабрик, ни заводов, ни крупной торговли в Могилевѣ не было, он имѣл значеніе исключительно как административный центр.

Зимой давались три бала — студенческій, польскій и судейскій. К ним долго готовились и о них долго вспоминали.

Об‘явленіе войны всколыхнуло Могилев, как и всю Россію, но значительно не измѣнило обычное теченіе его жизни. Так же чиновники ходили утром на службу, а вечером играли в карты, так же сплетничали кумушки, так же важный полицмейстер ѣздил на парѣ лошадей и наводил порядок.

Первыми ласточками войны были ковенскіе евреи. Неожиданно весь Могилев наводнился многочисленными повозками, наполненными домашним скарбом, пуховиками и подушками, из которых выглядывали испуганныя физіономіи стариков, старух и дѣтей. Зрѣлище было невиданное и каждый останавливался и с удивленіем смотрѣл на эту безконечную процессію. Запрудив всю улицу от вокзала до Собора, повозки остановились и евреи начали слѣзать с телѣг, пугливо озираясь по сторонам. К ним подошли, начали разспрашивать. Оказалось, что это евреи из Ковно, выселенные в трехдневный срок из крѣпости, по приказу начальства, как элемент мало надежный и опасный. Возражать не рекомендовалось. Надо было немедленно складывать пожитки и ѣхать в неизвѣстном направленіи. По дорогѣ им приказано было ѣхать в Могилев и жить там до конца войны.

За время длиннаго и тяжелаго переѣзда фронт передвинулся и Ставка должна была быть переведена из Баранович в Могилев.

О присутствіи в Ставкѣ столь опасных бѣженцев не могло быть и рѣчи.

Как только всѣ эти измученные долгим переѣздом люди пріѣхали к мѣсту назначенія, им было приказано в 24 часа выѣхать из Могилева и ѣхать не то в Тамбов, не то в Пензу. Тут нервы этих людей не выдержали, — они начали вопить, воздѣвая руки к небу.

Но их некому было слушать.

Образовавшійся комитет из еврейской интеллигенціи испугался за собственную судьбу: — „Сегодня они, а завтра мы".

Им собрали на дорогу какіе то гроши и уже утром в Могилевѣ их не было.

Длинный переѣзд из Ковна до Могилева поглотил всѣ их средства и неизвѣстно, как они добрались до назначеннаго пункта.

Второе зрѣлище было еще трагичнѣе.

Первые были люди, они могли что то продать, кого то попросить, кому то что то об'яснить; вторая же партія, наводнившая всѣ окрестности Могилева,— была безгласна. Их жалобы никто не слышал. И они умирали голодной смертью без криков и проклятій.

Это был скот из Польши. По приказу свыше весь польскій скот, чтобы не попасть в руки врага, был эвакуирован вглубь Россіи.

Предусмотрѣно было все, за исключеніем фуража.

Тысячи коров и лошадей падали по дорогѣ.

Подвоз фуража к мѣсту их стоянок не был организован, и они шли, шли, еле передвигая ноги.

К Могилеву подошло стадо скелетов, обтянутых кожей, издыхающее и наводящее ужас. Был издан приказ распредѣлить скот по усадьбам помѣщиков и крестьян, но никто не хотѣл брать больного и зараженнаго скота. Тѣ, кто из жалости его брали, давали пріют на нѣсколько дней, пока измученное животное не издыхало.

Предсѣдателем комиссіи по устройству скота был назначен управляющій государственными имуществами Л. М. Чанцев. Он был хорошій, честный человѣк, но не чудотворец. Спасти агонирующее стадо он не мог и тысячи туш разлагались по дорогам, заражая воздух зловоніем.

Эти, вторые бѣженцы, уже наглядно показали, что гдѣ то не все благополучно, что при таких порядках ждать скорой побѣды не приходится.

Вскорѣ появились и дѣйствительныя жертвы войны — раненые. Их несли на носилках с вокзала блѣдных, умирающих и могилевцы с отчаяніем слушали их стоны. Война дошла и до Могилева и заставила добраго стараго обывателя снять розовые очки и посмотрѣть на происходящія событія болѣе серьезно. Образовались комитеты помощи раненым, дамы надѣли косынки сестер милосердія, у губернаторши, г-жи Пильц, начали шить бѣлье и снаряжать лазареты.

Пріѣзд Ставки всѣх всколыхнул.

Тихій маленькій Могилев становился центром

войны, в нем должны были разрѣшаться важнѣйшіе вопросы и могилевскій обыватель понял, что он неожиданно попал в свидѣтели міровых событій, начал приглядываться к лицам, от которых зависѣла жизнь милліонов людей на фронтѣ и существованіе всей націи.

Могилевскія улицы наводнились автомобилями Ставки, тротуары наполнились офицерами штабов и военных канцелярій, гостиницы и частныя квартиры были заняты для иностранных представителей союзных держав и высших представителей военнаго міра. Маленькій провинціальный городок, как по мановенію волшебнаго жезла, измѣнил свой облик. Он стал вооруженным лагерем, шумным и дѣловым. Каждый обыватель с трепетом смотрѣл на окна б. губернаторскаго дома, гдѣ жил Верховный Главнокомандующій и откуда исходили приказы, которым безпрекословно подчинялись милліоны людей.

Главнокомандующіе мѣнялись—их было много — Николай Николаевич, Государь, ген. Алексѣев, ген. Духонин, Керенскій, Крыленко — обыватель был все тот же.

Он тихо сидѣл в своей квартирѣ и уголком глаза наблюдал за событіями.

Ставка Верховнаго Главнокомандующаго.

О днѣ прiѣзда главнокомандующаго в. к. Николая Николаевича никто не знал, но его присутствiе в Могилевѣ всѣми почувствовалось.

В городѣ стало торжественно и тихо.

Чувствовалось дѣловое напряженiе в Ставкѣ и это передавалось обывателям. Никто не запрещал ходить мимо дома, гдѣ жил Николай Николаевич, но как будто по какому то сговору всѣ старались обходить этот дом и около окон Главнокомандующаго не появляться. Всѣми чувствовалась та отвѣтственная и громадная работа, которая там шла и каждый старался насколько мог, если не помочь, то облегчить эту работу. В Ставку входили только лица имѣющiя к ней отношенiе, и к этим людям чувствовалось какое то невольное уваженiе.

Каждый обыватель понимал, что малѣйшая ошибка там — смерть Россiи, понимал и заботливо оберегал покой Главнокомандующаго. Идя по улицѣ, из которой был виден бѣлый дом Ставки, каждый старался не смотрѣть на него и не проявлять празднаго любопытства.

И только ночью, с берега Днѣпра, откуда видны были освѣщенныя окна ставочнаго дома, обыватель смотрѣл на них с благоговѣнiем, глубоко вѣря, что, несмотря на тревожныя свѣдѣнiя с фронта, ему, Главнокомандующему, удастся справиться и что Россiя выйдет и должна выйти побѣдительницею.

О суровости характера Николая Николаевича всѣ знали. Знали, что он требователен и груб с офицерами, не считается ни с чином, ни с званiем, но каждый понимал, что так должно быть, особенно во время войны, когда слабость Главнокомандующаго могла погубить все дѣло. Николай Николаевич почти

не появлялся в городѣ и за все время его пробыванія в Могилевѣ, мнѣ удалось только один раз его увидѣть и воочію убѣдиться, что Николай Николаевич шутить не любит.

Незадолго до этого был издан приказ Попечителем Краснаго Креста принцем Ольденбургским, что офицеры не могут появляться на улицѣ и в общественных мѣстах вмѣстѣ с сестрами милосердія. Повидимому жизнь на фронтѣ диктовала столь странное рѣшеніе и к Могилеву в тѣ времена этот приказ мог и не относиться. Лазаретов было мало, сестры, мѣстныя дамы, во времена пребыванія в Ставкѣ вел. кн. Николая Николаевича, никаких знакомств с офицерами не вели.

Но как то раз немолодой полковник, возвратившійся с фронта вмѣстѣ со своей женой, сестрой милосердія, ѣхал на извозчикѣ по главной улицѣ города.

В это время незамѣтно выплыл с площади автомобиль главнокомандующаго.

Великій князь большой и суровый сидѣл в нем нахмурившись, несмотря по сторонам и не отвѣчая на поклоны. Но офицера и сестру, ѣхавших ему навстрѣчу, он замѣтил. Я стояла на тротуарѣ, никакого отношенія к проѣжавшей парѣ не имѣла, но мнѣ стало страшно: так исказилось злобой лицо князя, так страшен он стал в этой злобѣ!

Он встал в автомобилѣ во весь свой могучій рост и, пока пролетка с несчастными сѣдоками не скрылась из виду, он продолжал стоять, испепеляя взглядом перепуганное супружество.

Николай Николаевич недолго был в Могилевѣ. На фронтѣ дѣла шли все хуже, но вѣра, что все измѣнится к лучшему, никого не покидала. Смѣщеніе Николая Николаевича произошло внезапно. Может быть в кругах близких к Ставкѣ об этом и знали, но обыватель узнал уже готовое рѣшеніе. Николай Николаевич уѣхал так же незамѣтно, как и прибыл.

Никто не радовался, что Государь на свои плечи взвалил столь отвѣтственное и страшное дѣло. Невольно почувствовалось, что приближается какая то неслыханная катастрофа, что Государь дѣлает ошибку беря на себя такую отвѣтственность.

Сейчас трудно сказать, как развернулись бы

событія, если бы Государь не брал на себя главнаго командованія, но по рѣзкой перемѣнѣ в настроеніи Ставки каждый, кто хоть немного задумывался над происходящими событіями, видѣл, — что это начало конца.

При Николаѣ Николаевичѣ Ставка была военным лагерем, дѣловым и строгим, с первых же дней пріѣзда Государя она внѣшне потеряла этот облик.

Сразу все измѣнилось.

Пріѣхала оперетка, которой не было при Николаѣ Николаевичѣ, театр был до отказу набит дамами и ставочными офицерами. Начались какіе то подношенія артисткѣ Лабунской и Грекову, появилась какая то модная молодая опереточная примадонна, снискавшая кучу поклонников, начались автомобильныя поѣздки к заставному домику, открылся новоявленный ресторан в особнякѣ высланнаго нѣмца пивовара Яника.

Все распустилось, и стало видно всякому, что машина начинает давать перебои.

Пріѣхали великіе князья, которых раньше не было, а если и были, то незамѣтно работали в штабѣ. Теперь на улицах Могилева то и дѣло можно было видѣть Царицу, наслѣдника, князей: Дмитрія Павловича, Бориса Владимировича и других лиц Царскаго Дома и свиты.

Мѣсто Ставки,—Могилев пріобрѣл вид резиденціи царской семьи и война отходила на второй план, забывалась.

Жизнь была черезчур интересна, чтобы думать о столь тяжелых событіях. Понятно, ни Государь, ни Царская семья в этом виноваты не были, но была снята тяжелая рука и сразу всѣ почувствовали, что можно жить легко и весело, не думая о завтрашнем днѣ.

Самое ужасное, что вмѣстѣ с пріѣздом Государя появился и страшный слух о Распутинѣ.

Слух этот варьировался, расширялся, и как снѣжный ком, облѣплялся всякими подробностями и прикрасами. Об этом говорили всѣ с наслажденіем, с каким то нескрываемым интересом и, чѣм слух был ужаснѣй и грязнѣй, тѣм он сильнѣе дѣйствовал на воображеніе.

Не помню человѣка, который постарался бы опровергнуть, или хотя бы смягчить страшныя подробности этих сплетен.

Все принималось на вѣру, никто не хотѣл этого опровергать. Говорилось открыто, что Николая Николаевича убрали, чтобы Распутин имѣл доступ к тайнам командованія, что он добивался и раньше пріѣзда в Ставку, но что Николай Николаевич этому противился и должен был сдаться и уйти перед страшной распутинской силой.

Хотя ни при Николаѣ Николаевичѣ, ни при Государѣ Распутин ни разу в Могилевѣ не был, слухи все же не унимались и, огибая Ставку, называли сообщников, которыми был, якобы, окружен Распутин. Исторія со временем раз'яснит роль Распутина при дворѣ, роль, может быть, и дѣйствительно вредную, но еще вреднѣе были эти страшныя сплетни, которыя проникали всюду, колебали авторитет Государя и как Царя, и как Главнокомандующаго.

К Царицѣ появилась общая ненависть. Она не видѣла не только любви, но и простого уваженія. И если это случайно проявлялось, то цѣнилось и видимо доставляло и ей, и всей семьѣ большую радость. Я лично видѣла, как Царица задерживала ежедневно свой автомобиль около домика стараго учителя, жившаго на краю города и ожидающаго у окна проѣзда царской семьи на прогулку. Царица и царскія дочери кланялись ему как родному и улыбались, стараясь взглядами показать, как онѣ цѣнят его ожиданія их проѣзда. Послѣ службы в ставочной церкви ему посылалась просфора от Государя, а его пріемной дочери, дѣвочкѣ лѣт семи, от наслѣдника. Иногда наслѣдник подходил послѣ службы к дѣвочкѣ и лично передавал ей просфору.

Необыкновенно пріятное впечатлѣніе производил маленькій наслѣдник. Это было милое дитя, любознательное и веселое и, несомнѣнно, в любой странѣ было бы любимым дѣтищем своего народа.

Но русскій народ его не любил. Приходилось слышать шопот в толпѣ при проѣздѣ наслѣдника: „этот царствовать не будет!“.

Это говорилось с озлобленіем. И говорившіе не замѣчали перед собою веселаго, симпатичнаго ребен-

ка, они видѣли в нем будущаго деспота, который со временем лишит их права на какую то необыкновенно счастливую и свободную жизнь.

А наслѣдник этого не видѣл.

Он с любопытством вертѣлся сидя в автомобилѣ рядом со своим отцом, читал вывѣски и улыбался прохожим. Это было дитя, вырвавшееся из скучной дворцовой обстановки и имѣющее возможность наблюдать подлинную жизнь. Для него устраивались игры с могилевскими дѣтьми то на Валу, то гдѣ нибуд в лѣсу около города и играть с ним могли всѣ дѣти без различія національности и положенія родителей.

Помню характерный случай с наслѣдником в последнее лѣто перед революціей. Могилевскія дамы устроили на Валу традиціонную лотерею. О том, что будет наслѣдник, не знали, но он пришел вмѣстѣ с каким то генералом. Дамы немедленно сообразили, что наслѣдник пришел попытать счастья и предложили ему осмотрѣть выигрыши. Его заинтересовало все: и самовары, и подушки, и карандаши, и пачки с цикоріем. Он купил билет и выиграл конечно первый номер. Это был маленькій улей с сотами и медом. Его радости не было границ. Он схватил улей и помчался домой показать свой выигрыш отцу. Его остановили, и предложили через день взять выигрыш, т. к. по правилам лотереи выигрыши раздавались послѣ окончанія лотереи. Он огорчился и спросил у дам разрѣшенія взять улей ненадолго и показать Государю. Ему, понятно, разрѣшили и скоро улей стоял на своем мѣстѣ.

Прошло всего нѣсколько мѣсяцев и все измѣнилось.

Ребенок, видѣвшій вокруг себя только поклоненіе, лесть и заботы, был кинут своим народом на растерзаніе дикой толпѣ, не знающей ни жалости, ни пощады.

Маленькій и жалкій, он не понимал происходящих событій и должно быть это было самое ужасное, что пришлось пережить тѣм, кто его любил не только как наслѣдника русскаго престола, но и как близкаго ребенка.

Царская семья в Могилевѣ.

Первый прiѣзд Государыни в Ставку произошел очень торжественно.

На перронѣ вокзала помимо военных встрѣчали царскую семью представители города, благотворительных организацiй и, наскоро организованный губернаторшей, дамскiй комитет.

Царица в сопровожденiи дочерей вышла из поѣзда и медленно, еле передвигая ноги, пошла по направленiю депутацiй.

Я видѣла Государыню в Красном Селѣ в дни моего дѣтства и перемѣна в ней меня поразила. Тогда это была очень худая свѣтлая блондинка со скорбными глазами и грустным, меланхолическим лицом. Здѣсь двигалась к нам очень полная женщина, темная шатенка, злая и надменная.

Перемѣна была поразительная: не то лицо, не тот весь облик, который запечатлѣлся у меня в памяти. Царица подошла к дамам и каждой протянула свою необыкновенно выхоленную и красивую руку. Дамы дѣлали реверанс и цѣловали руку Царицы. Все это происходило в глубоком молчанiи и старыя женщины, прикладывавшiяся к рукѣ, невольно чувствовали себя школьницами. Во время этой церемонiи Царица не сказала ни одного слова и вряд-ли даже видѣла кто склоняется перед ней.

Когда царская семья уѣхала с вокзала, всѣ дамы засуетились и старались говорить друг с другом о посторонних вещах. Явно Царица всѣм не понравилась, а в связи с всевозможными сплетнями, каждая дама чувствовала какую то неловкость, смущенiе от этой церемонiи.

Четыре дочери стояли отдѣльно и всѣх поразили их костюмы.

Онѣ всѣ, как одна, были одѣты в свѣтлыя шляпы, коричневыя короткія кофточки и юбки цвѣта бордо. Смѣсь этих цвѣтов была так безвкусна, что вряд ли самая скромная провинціальная барышня могла бы так одѣться. Сказалось ли в этом отсутствіе вкуса у Государыни или же нарочно во время войны подчеркивалась скромность царской семьи, неизвѣстно, но костюмы царских дочерей осуждались всѣми.

Царская семья ежедневно на двух автомобилях ѣздила за город, а иногда дѣлала и большія прогулки в сосѣдніе уѣзды. Могилевскія окрестности всей семьѣ очень нравились и Государыня даже хотѣла купить для себя имѣніе Жуковскаго „Дашковку", расположенную на высоком берегу Днѣпра. Но Жуковскій, старый богатый помѣщик, не захотѣл продать своего родового имѣнія и Царица намѣтила себѣ другое имѣніе поблизости от Могилева.

Царскія дочери свободно, без всякой охраны, часто гуляли по городу и любили заходить в могилевскія лавочки и дѣлать покупки.

Излюбленным ими мѣстом покупок был галантерейный магазин Мэрки Бернштейн.

Если бы эта Мэрка жила не в Могилевѣ, а на Олимпѣ, то несомнѣнно она бы носила громкое названіе „богини хаоса".

Такой страшный сумбур был в этой лавочкѣ, так все было накидано и набросано по прилавкам.

Как разбирались в этом хаосѣ приказчицы — невѣдомо, но онѣ умудрялись с невѣроятной быстротой из кучи лент, кружев и пуговиц извлекать необходимыя вещи и не задерживать покупателей. Цѣны запрашивались феерическія. Приказчицы знали психологію могилевских покупательниц и ломили втридорога. Онѣ знали, что какую бы цѣну не назначить все равно придется торговаться до четвертаго пота и уступить 50 процентов с назначенной цѣны. Новыя покупательницы, молоденькія и скромныя, их поразили. Онѣ не только не торговались, но просто просили завернуть им их покупки, не спрашивая о цѣнѣ. Княжнам, как и обыкновенным смертным, для чего то нужны были пуговицы, нитки и ленты.

Должно быть им просто нравилась самая процедура закупок, которой онѣ были лишены в Царском

и Петербургѣ. Радостныя и оживленныя выскакивали онѣ из магазина весело щебеча и неся пакетики с покупками.

Когда царской семьи не было, Государь один или с наслѣдником выѣзжал за город. За ним неустанно ходила тайная полиція и скрыться от нея Государю было невозможно. Но как то раз Государь с одним из ставочных генералов поѣхал в лѣс и там ему удалось, обманув бдительность охраны и сопровождающаго его генерала, уйти куда то в чащу и укрыться временно от своих тѣлохранителей. Прошел час, два, а Государя не было. Переполох был громадный. Государь пропал среди бѣлаго дня и разыскивающіе его по всему лѣсу агенты охраны найти его не могли. Ни кричать, ни аукать, понятно, никто не смѣл и всѣ перепугались не на шутку.

Государь в это время сидѣл под деревом и наслаждался рѣдкими в его жизни минутами одиночества. Говорили, что он очень подтрунивал над испугавшимся генералом и был доволен, что подвел полицію.

Часто гуляя в окрестностях города, Государь встрѣчался с крестьянами.

Он распрашивал их об их жизни и интересовался всякими мелочами. Но никогда никто из крестьян, во время таких случайных встрѣч с Государем, не обращался к нему с какой нибудь просьбой.

У русскаго крестьянина был врожденный такт.

Он мог подать оффиціальное прошеніе на имя Царя, но не пользовался случаем и не затруднял его своими личными дѣлами во время неожиданных встрѣч.

Но, надо сказать, что Царская Семья не отличалась особой готовностью к оказанію помощи бѣдным.

Они как бы не замѣчали убогих русских избушек, тощаго скота, полураздѣтых ребятишек!

Несомнѣнно вид русской бѣдной деревни должен был бы всѣх их привести в содроганіе, но этого не было. а если и было, то скрывалось под маской равнодушія и семья, которая могла бы, казалось, много сдѣлать, как бы руководствовалась психологіей всѣх богатых людей всего міра: „всѣм, вѣдь, не поможешь!“

Помню, как в „Могилевском Вѣстникѣ“ крупным шрифтом было напечатано сообщеніе, которое в умиленіе привело всѣх мѣстных монархистов. „Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна подарила сапоги сиротѣ мальчику-кадету, который был приставлен к Наслѣднику для игр с ним в Ставкѣ“.

Большинство же могилевцев такой щедростью Царицы тронуто не было. Каждому мало-мальски обезпеченному обывателю приходилось помогать бѣдным, но только об этом в газетах не писалось и эти бѣдные не приставлялись к их дѣтям для развлеченій

Каждую службу царская семья ходила в церковь. Там пѣл прекрасный хор из мобилизованных пѣвцов и этот хор мог смѣло состязаться с любым митрополичьим хором. Государь был любителем церковнаго пѣнія и имѣл излюбленныя пѣснопѣнія, которыя в его присутствіи и исполнялись. Вся царская семья стояла на лѣвом клиросѣ и чувствовалось, что всѣ они очень религіозны.

Молились всѣ, кромѣ Государя, по монастырски или, вѣрнѣе, по старовѣрски. Очень широко крестились, низко склоняясь, и, становясь на колѣни, по старорусскому обычаю касались руками пола.

Молодые князья в Могилевѣ не скучали. Мѣстныя дамы дѣлали все от них зависящее, чтобы скрасить досуг высоких гостей и доставить им всяческія удовольствія.

На этой почвѣ было немало курьезов.

Об одном из таких мнѣ разсказывал осчастливленный папаша, могилевскій полицмейстер.

Его разбитная молоденькая дочка плѣнила одного из молодых князей. Кромѣ величайшей гордости вся семья ничего не испытывала, но раз полицмейстер был поставлен в довольно глупое положеніе и не знал как из него выйти. Рано утром, когда он еще спокойно почивал со своей супругой, он услышал в гостинной какіе то шорохи и стуки. Думая, что это воры, наскоро, в ночных туфлях, и в костюмѣ камергера, но без мундира и орденов, с револьвером в рукѣ он открыл дверь в гостинную и замер... В креслѣ сидѣл один из молодых великих князей и перелистывал его старые альбомы. Увидѣв у себя в гостинной в столь ранній час высокаго посѣтителя,

бѣдный полицмейстер не знал, встать ли ему во фронт или же, на правах строгаго папаши, спросить вел. князя о причинах столь ранняго визита.

Он предпочел третій выход: закрыл дверь и не проявил излишняго любопытства.

Полицмейстер любил со своими знакомыми дѣлиться мыслями и надеждами на будущее.

Ему мерещилось конюшенное вѣдомство, дочери — блестящая карьера опереточной примадонны, младшим сыновьям чуть ли не пажескій корпус. Революція разбила всѣ планы и вмѣсто конюшеннаго вѣдомства арест, тюрьма и смерть не то в Кіевѣ, не то в Одессѣ.

Слухи, что Распутин будет убит, задолго до убійства, циркулировали в городѣ. Кто то подѣлился своими планами с любимой женщиной, та со своими пріятельницами и как только было получено извѣстіе об убійствѣ, то прежде чѣм в Петербургѣ, весь Могилев назвал имя того, кто был к этому убійству причастен. Убійство Распутина было встрѣчено с ликованіем, всѣм казалось, что с его смертью измѣнится положеніе на фронтѣ и для самой Россіи откроются какія то новыя перспективы, осуществленію которых препятствовал Распутин.

Но со смертью Распутина исполнилось и его предсказаніе: „умру я — погибнет династія!“ Была ли когда нибудь сказана такая фраза или нѣт, но при первых признаках революціи эта фраза была у всѣх на устах.

Распутина я никогда не видала, но хорошо знала того, кто ввел его во дворец. Это был Архіепископ Өеофан, ректор Петербургской Академіи. Монах, совершенно ушедшій от міра и не знающій лжи и притворства, он был опутан наглым актером, прекрасно умѣющим играть роль святого старца. Несомнѣнно и Царская Семья, довѣрчивая и отрѣзанная от всего міра строгим придворным этикетом повѣрила ему так же, как и арх. Өеофан. И помню, как в первые дни революціи в гражданском клубѣ один из прогрессивно настроенных граждан громко кричал: „мы, господа, должны поставить памятник Распутину. Ни одна революціонная партія не сыграла такой громадной роли в паденіи монархіи, как старец Распутин!“

И, увы, это было вѣрно. Распутин об'единил революціонеров с мирным населеніем и монархія была сметена.

А в общем, до послѣдняго момента, всѣ могилевцы, как и всѣ русскіе люди, пили, ѣли, веселились, и не думали, что уже времена приблизились, что уже бьет послѣдній час не только для монархіи, но может быть и для существованія величайшей Имперіи в мірѣ.

Представители союзных держав в Ставкѣ.

Вплоть до выѣзда Ставки в Орел, в Могилевѣ проживали иностранные военные представители. Кое кого из них я знала и всѣх часто видѣла. Каждый из них был характерен в своем родѣ, носил отпечаток своего народа и по своему относился к Россіи и к русским.

Военный представитель Англіи, генерал Бартельс, грузный старик, мрачный и насупленный, был всегда всѣм недоволен. Он брюжжал не переставая и ему все не нравилось: и гостинница, гдѣ их помѣстили, хотя это была лучшая в городѣ, и стол, хотя из Петербурга был выписан прекрасный повар, и город, и люди. Вообще все.

Единственной, кажется, свѣтлой точкой на темном горизонтѣ могилевской жизни для него была маленькая почтовая чиновница Бѣленькая и незамѣтная она почему то плѣнила стараго генерала. Он с удовольствіем ѣздил с ней на автомобилѣ за город, дарил конфекты и нѣсколько просвѣтлялся при видѣ ея. С перваго дня знакомства и до от'ѣзда, он собирался изучать русскій язык, но так и не собрался.

Его ад'ютанты не были столь мрачны.

Наоборот, их можно было видѣть цѣлый день с кодаками на улицах и они снимали все, что попадалось под руку: и людей, и собак, и город, и деревни. У меня создалось впечатлѣніе, что они ничѣм другим, кромѣ фотографіи, и не занимаются.

Один из них так же нашел свою свѣтлую точку.

Это была молоденькая евреечка, очень некрасивая, но веселая и живая, с увлеченіем хлопавшая вмѣстѣ с ними кодаком. Эта евреечка, не смотря на протесты семьи, уѣхала со своим возлюбленным в Ан-

глію, и, по слухам, вышла за него там замуж. Вообще же англичане смотрѣли на всѣх остальных сверху вниз, считая себя избранным народом.

Сербы—наоборот, были в каком то упоеніи от всего русскаго: от русской культуры, русских просторов, русских нравов и поровну дѣлили свою любовь между Россіей и Сербіей.

Неудачи Россіи их так же приводили в отчаяніе, как и сербскія.

Сербы были убѣжденными монархистами и паденіе у нас монархіи их потрясло, им не хотѣлось вѣрить, что великая монархія окончательно пала. Они были до послѣдней минуты увѣрены, что все измѣнится, и что монархія возстановится.

По слухам, один из них, Жарко Мичич, желая спасти царскую семью из Екатеринбурга, поѣхал туда и был якобы там разстрѣлян большевиками. Впослѣдствіи сербам пришлось познакомиться и с революціонными дѣятелями, но, кромѣ Савинкова, котораго они ставили очень высоко, они относились ко всѣм отрицательно. О Савинковѣ они неизмѣнно твердили: „о вы увидите, ваш Савинков выведет Россію из хаоса!“

Французов я не знала. Они как то незамѣтно сидѣли в своей гостинницѣ и ни один слух о них не проникал в город.

Изрѣдка их представителя, кажется ген. Жанена, можно было видѣть на вокзалѣ.

Маленькій блондин, по внѣшности напоминающій простого русскаго крестьянина, так не гармонировавшей с представленіем о французской націи, он скромно и тихо жил в Ставкѣ.

Итальянцы красовались.

Они выходили на наши маленькія улицы со специальной цѣлью показать себя.

И, дѣйствительно, было что посмотрѣть.

Голубыя, яркія пелерины, перекинутыя через плечо, красивыя южныя лица, важная осанка, все в них приводило провинціалов в восхищеніе. Они бывали в театрах, клубах и не одно женское сердце, постарѣвшее за эти годы, начинает усиленно биться при воспоминаніи о их генералѣ, графѣ Ромей.

Выдѣлялся из всѣх японец Обата. К японцам вообще русскіе относились с любопытством.

Маленькій народ, котораго не удалось закидать шапками, всегда вызывал в нас интерес. А Обата был типичный сын своего народа. Он весь жил Японіей и ея интересами. И в Ставкѣ его ничто не интересовало, кромѣ того, как всякое событіе может отразиться на интересах его родины.

Он не страдал за наши неудачи и не радовался нашим успѣхам.

Он наблюдал.

Помню как то, когда пала Ковна и всѣ мы, русскіе, опечаленные и притихшіе, сидѣли по своим домам, Обата с каким то другим офицером-японцем ходил по улицам и громко и весело смѣялся. Этот смѣх меня возмутил и я, встрѣтясь с ним, свое возмущеніе ему высказала.

Он засуетился, заморгал своими раскосыми глазами и начал извиняться.

„Он не хотѣл обидѣть русских. Он громко смѣялся со своим другом, так как они только что получили посылки из Японіи и были оба обрадованы этим. Они так скучают в Россіи, они уже не могут ѣсть русских кушаній, а в посылках было так много их любимых вещей.

Они радовались и пусть русская госпожа простит им их неумѣстную радость“.

Обата старался присмотрѣться к русской жизни и дѣлать все так, как всѣ.

Ему кто то сказал, что бывая в гостях надо давать на чай прислугѣ и он, как только горничная открывала дверь и снимала с него пальто, уже совал ей в руку рубль. Если же она не знала, что предстоит столь пріятное событіе и, сняв пальто, быстро исчезала, он ее искал по дому и вручал ей этот рубль.

За обѣдом он считал нужным дѣлать хозяйкѣ подарки.

Послѣ перваго блюда он вставал, говорил витіеватую рѣчь о русском гостепріимствѣ и дарил три носовых шелковых платочка; послѣ второго блюда — вѣер с гейшей; послѣ третьяго — какую нибудь соломенную корзиночку.

И все с рѣчами.

Он изучал русскій язык и просил меня порекомендовать ему русскія книги.

Я дала ему купринскаго Штабс-Капитана Рыбникова.

Когда он, читая, наконец понял, что Рыбников это японец—шпіон, он страшно заволновался, начал бѣгать по комнатѣ, жестикулируя и что то говоря на своем гортанном, птичьем языкѣ.

Единственный из всѣх знакомых, с которыми приходилось говорить послѣ революціи о событіях надвинувшихся на Россію, японец Обата предсказал всю тяжесть и продолжительность русской разрухи.

Он не сомнѣвался, что Россіи придется очень много вынести, что это будет долго, очень долго, но что все пройдет и Россія снова воскреснет.

Всѣм иностранцам нравился могилевскій климат. Ровныя зимы и ясное безоблачное лѣто. Ни больших морозов, ни туманов, ни безпрерывных дождей. По их мнѣнію, Могилев мог быть прекрасным курортом.

Удивляла их бѣдность русскаго крестьянина.

Маленькія избенки под соломенной крышей с крошечными окошечками и кучей грязных босых ребятишек, копошащихся в пыли. Эта бѣдность, рядом с роскошными, богатыми усадьбами, их всегда поражала.

И они несомнѣнно увезли с собой в свои страны память о противорѣчіях русской жизни: несмѣтныя богатства и рядом неслыханная бѣдность; громадные просторы и скученныя убогія хижины; высокая культура и жестокость чрезвычайки.

Россія для них и послѣ того, как они прожили в ней нѣсколько лѣт, осталась загадкой.

Начало революціи в Ставкѣ и отреченіе Николая II.

23 февраля появились в Петербургѣ первые признаки волненій. 24-го во время митингов произошли вооруженныя столкновенія с полиціей. 25 го весь Петербург вышел на улицу и на Знаменской площади произошло крупное столкновеніе полиціи с народом, причем казаки приняли сторону народа. 27 утром произошло возстаніе Литовскаго и Волынскаго полков и толпы народа вмѣстѣ с солдатами пошли к арсеналу, захватили оружіе и освободили из тюрем заключенных, как политических, так и уголовных.

Началась великая русская революція... В Могилевѣ было иначе.

Всѣ эти дни ярко свѣтило весеннее солнце, текли ручьи и веселая толпа наполняла улицы, радуясь наступленію весны.

Переворота ждали давно, но когда он наступил, то никто этому не повѣрил.

27-го я на улицѣ встрѣтила начальника ставочной контр развѣдки полковника О. и спросила его о безпорядках в Петербургѣ. Он был спокоен и весел. „Безпорядки"?—сказал он, „но им же, бунтовщикам, хуже. Повѣсим два, три десятка и все будет спокойно". Так разсуждали жандармскіе полковники, но иначе иностранцы. Тут же на улицѣ я встрѣтила японца Обата и серба Мичича. Они уже знали о грозных событіях в Петербургѣ и опредѣленно говорили, что началась революція. Мичич, влюбленный в Государя из за поддержки Сербіи, чуть не плакал и боялся, в связи с переворотом, за свою родину. Обата сказал мнѣ: „Спите десять лѣт, наступают страшныя событія в Россіи!"

О телеграммах Родзянко никто из обывателей не знал, узнали это уже послѣ революціи, и всѣм каза-

лось, что правительство справится с безпорядками. Но уже ночью этого дня Государь выѣхал в Петербург и вернулся в Могилев из Пскова уже не Императором Всероссійским, а полковником Романовым.

Так привѣтствовал его на вокзалѣ Георгіевскій батальон.

В Могилев пріѣхала мать отрекшагося Императора и заперлась с ним в домѣ Ставки, никого не видя и никуда не показываясь Поздно ночью с берега Днѣпра можно было видѣть возвышающійся темный силуэт ставочнаго дома и, сквозь опущенныя шторы окон спальни Государя, пробивающійся свѣт. Чувствовалось, что там, за этими еле освѣщенными окнами, происходит страшная драма. Там, в комнатах Ставки, нѣт уже Императора Всероссійскаго, а несчастный сын, нуждающійся в тяжелую минуту своей жизни в словах утѣшенія самаго близкаго человѣка— матери.

И, может быть, в эти часы уединенія, проведенные ими вмѣстѣ, Государь нашел в себѣ силы перенести в дальнѣйшем и униженіе, и страданіе, и мученическую смерть.

— А в это время в обѣих столицах тысячныя толпы народа праздновали весну революціи, всюду развѣвались красныя знамена и вожди различных революціонных партій произносили блестящія рѣчи.

В Могилевѣ же не было ни толп, ни вождей.

Небольшая кучка подростков в 25 — 30 человѣк с пѣніем марсельезы прошла по улицам города, пугливо озираясь по сторонам, боясь нападеній. И только когда демонстранты подошли к дому Ставки, гдѣ был Государь со своей матерью, в них проснулась долго культивированная ненависть к царю и они начали выкрикивать оскорбленія по его адресу, бить палками по стѣнам и срывать с дома Ставки трехцвѣтное знамя и гербы.

Толпы народа и офицеров взирали на эту дикую сцену, но не нашлось никого, кто-бы остановил этих разбушевавшихся хулиганов.

В воскресенье Государь, как обычно, пришел в ставочную церковь, там, также как всегда, прекрасно пѣл хор, также Георгіевскій батальон цѣпью отдѣлял Государя от публики, также как всегда, дья-

кон произнес послѣднее многолѣтіе за царствующій дом.

Послѣ обѣдни Государь сошел с амвона и обратился к публикѣ с прощальными словами. Он был блѣден и взволнован. Говоря, подымался на носки и гладил бороду. Он смотрѣл поверх толпы, куда то далеко, как будто желая раздвинуть стѣны церкви и попрощаться со всей Россіей.

Толпа, наполнившая церковь, как обычно, молчала, и трудно сказать, что думали русскіе люди, слушая послѣднія слова послѣдняго монарха.

Совсѣм иначе происходило в этот день прощаніе Государя со ставочными офицерами.

Государь благодарил всѣх офицеров Ставки за вѣрную службу, иностранных представителей просил передать союзникам его благодарность за поддержку Россіи и просил всѣх офицеров служить так же честно новому правительству Россіи, как служили они ему.

Многіе рыдали и Государь ходил от одного офицера к другому и старался их успокоить. Какой то казачій офицер, чтобы заглушить рыданія, сжал зубами носовой платок так, что ему пришлось потом разжимать челюсти.

Серб Мичич стал на колѣни перед Государем и, цѣлуя ему руку, поблагодарил за все, что Государь сдѣлал для Сербіи.

Настроеніе всѣх передалось Государю и он вышел из зала, чтобы не показать своего волненія, а может и слез.

Государь уѣхал из Могилева вмѣстѣ с Маріей Ѳеодоровной. Днѣпровскій проспект, по которому он проѣзжал, был почти пуст. О часѣ его от‘ѣзда никто не знал и только нѣсколько женщин бросились с рыданіями к автомобилю отрекшагося царя.

В вагонѣ к Государю пришло нѣсколько гимназисток. Государь их пожурил, что онѣ ушли с уроков и посовѣтовал, придя домой, выучить басню Крылова „Умирающій Лев“.

И сейчас, когда прошли уже долгіе годы, оглядываясь в прошлое, с изумленіем вспоминаешь эти дни.

Русскій Император, Главнокомандующій Арміей, представитель вѣковой монархіи, в продолженіи мно-

гих лѣт управлявшій страной, в трагическую для себя минуту остался один!

Двѣ, три рыдающих женщины и нѣсколько гимназисток!

Он, среди стапятидесяти милліоннаго народа, нашел в эту минуту лишь одного человѣка, который оказал ему поддержку и помощь.

И это была его мать.

И возвращаясь с вокзала, послѣ от'ѣзда Государя, на меня нахлынули воспоминанія: я вспомнила первую встрѣчу Государя послѣ коронаціи в Красном Селѣ, когда я была еще ребенком.

Как радостно прошла встрѣча молодого Царя, пріѣхавшаго впервые в лагери со своей красавицей женой.

Какой нѣжностью и заботой была окружена эта царственная пара, с каким трепетом и крестьяне и рабочіе подносили ему хлѣб-соль.

И вспомнились невольно мнѣ слова нашей старушки няни, присутствующей с нами при встрѣчѣ Государя.

„Ох, дѣтушки, чувствует мое сердце бѣду, не даст этот Царь счастья Россіи. Я то умру, а вы будете жить и мнѣ, что я умерла, завидовать.

С этим Царем придут войны и смуты великія, отец пойдет против сына, а сын — против отца.

И увидите, что снова Литва придет, земля задрожит под их несмѣтными полчищами и рѣки станут красными от крови. Заберет Литва снова русскую землю и некуда будет русскому человѣку головы своей преклонить.

Вижу я, старая, что не любит он народа русскаго, и народ его не пожалѣет".

—„Няня, какая Литва? Гдѣ Литва?" Но няня не об'ясняла.

И вот, предсказанія няни исполнились.

Двѣ тяжелых, неудачных войны, а впереди смута...

Государь уѣхал, а обыватель, стоя у окна своей квартиры, начал наблюдать новую эпоху в жизни Ставки, новых людей, которым была вручена судьба арміи и Россіи.

Корнилов и Керенскій.

Послѣ от'ѣзда государя из Ставкн ген. Алексѣев принял на губернаторской площади присягу временному правительству войск могилевскаго гарнизона и чинов Ставки. Когда войска выстроились на площади, под'ѣхал автомобиль и из него вышли два великих князя, Сергѣй и Александр Михайловичи. Они встали вмѣстѣ с офицерами, возвышаясь над всѣми своим огромным ростом. Всѣ взоры были прикованы к поднятым рукам князей, присягающих новому правительству.

В них как бы символизировалась сущность происшедшаго переворота: великіе князья переставали быть членами императорской фамиліи, и превращались просто в граждан Романовых.

Они отходили от кормила власти и уступали мѣсто власти другой, прежде всего им враждебной.

В толпѣ, наблюдающей присягу, рядом со мною стоял какой-то безтолковый старик-крестьянин. Он все время толкал меня и поминутно спрашивал: „а кто-же Царь-то будет"? Я торопливо отвѣчала, что Царя не будет, а будет республика, а он не унимался и спрашивал: „да я знаю, что республика, а Царь то кто?"

Не менѣе этого непонятливаго старика был сбит с толку и обыватель.

Обѣ столицы продолжали праздновать побѣду, а провинціальный обыватель оставался в недоумѣніи.

Прежде всего он не знал, к какой собственно партіи он принадлежит. А это необходимо было выяснить и он, торопясь и волнуясь, наскоро пересматривал программы различных партій, стараясь отыскать, которая из них могла бы полнѣе отразить его настроенія и взгляды.

На этой почвѣ происходило много разных неожи-

данностей. Маленькій, незамѣтный чиновник об'являл себя анархистом, а сѣдовласый начальник управленія с умиленіем вспоминал, что всѣ его дѣды пахали и что он всегда чувствовал в себѣ мужицкую кровь.

С дамами было хуже. Даже тѣ, что только что мечтали о переворотѣ, послѣ отреченія Государя поголовно почувствовали себя ярыми монархистками и из окон многих квартир начали раздаваться звуки из оперы „Жизнь за Царя".

Ежедневно столицы наводняли провинцію газетами различных направленій, гдѣ каждый мог прочесть десятки рѣчей одна другой краснѣе и ярче.

Могилевскому обывателю захотѣлось и самому показать свое ораторское искусство. Начались митинги и всѣ, кто мог и хотѣл, говорили, говорили и говорили.

А мы слушали.

А пока происходила эта идиллія, жизнь Россіи разстраивалась, на фронтѣ наступила полная дезорганизація и в Ставкѣ уже не могли скрывать того, что Россія стоит перед какой-то неслыханной катастрофой.

И все же революціонный праздник 1-го мая прошел с большой торжественностью.

Всѣ офицеры Ставки с красными бантами и флагами с плакатами „Да здравствует Республика"! „Офицеры и Солдаты! Друг другу руку! К побѣдѣ за Свободу!" продефилировали от театра по городу.

Офицеров Ставки было много... очень много...

За ними шли граждане города, но их было меньше.

Это радостное настроеніе продолжалось недолго. Солдаты не торопились протягивать руку и от этого праздника осталась одна лишь фотографія, стоящая у меня на столѣ!

Знакомые лица, веселые и довольные и, думается, что если бы этих офицеров собрать сейчас и показать им эту фотографію—они бы не повѣрили, что это они.

Солдаты же, почувствовав себя хозяевами, начали по своему пониманію пользоваться свободой.

Два характерных случая произошли на моих глазах:

Около штаба Ставки на стулѣ сидѣл часовой, положив винтовку на колѣни, тупо и сонно смотря

на прохожих. Около него вертѣлась дѣвочка лѣт шести с любопытством взирая на сидящаго на тротуарѣ солдата. Наконец она не выдержала, подошла к нему вплотную и спросила: „А вы, дяденька, долго будете так сидѣть?“

Солдат разсердился на этот неумѣстный вопрос, заерзал на стулѣ, и сдѣлав страшную рожу, отогнал от себя ребенка.

Другой случай хуже.

Как-то из дома Ставки вышли и направились в штаб, расположенный на противоположной, сторонѣ площади главнокомандующій ген. Алексѣев и военный министр Гучков.

Генерал Алексѣев что-то говорил Гучкову, а тот, тяжелый и неповоротливый, шел рядом с ним и в такт словам главнокомандующаго, кивал головой.

В это время, навстрѣчу им, вышла группа распоясанных солдат, они прошли мимо главнокомандующаго, даже не потрудившись отдать ему чести.

Гучков этого не замѣтил, у ген. Алексѣева же передернулось лицо и он низко опустил голову.

И когда в Могилевѣ разнесся слух, что ген. Кор-

нилов хочет об‘явить диктатуру, весь город пришел в радостное волненіе, видя в ген. Корниловѣ избавленіе от безалаберщины и хаоса.

В ночь на 28-е августа я услышала какой-то странный шум против нашего дома, во дворѣ мужской гимназіи. Подойдя к окну я увидала, что ген. Корнилов, стоя на столѣ, при ярком свѣтѣ двух факелов, что-то говорит на непонятном языкѣ, сгрудившимся около него солдатам дикой дивизіи. Тѣ, замерѣв, слушают каждое его слово и время от времени повторяют сказанное.

Это была присяга.

28 августа всѣ уже знали, что ген. Корнилов об‘явил диктатуру и идет арестовывать Керенскаго.

И Керенскій и его керенщина всѣм так надоѣли, что радости не было границ.

Тон всеобщей радости давали иностранные представители при Ставкѣ, которые были поголовно на сторонѣ ген. Корнилова.

Два англичанина кап. Эдварс и пор. Портерс в этот же день выѣхали в Кіев за танками и никто в успѣхѣ ген. Корнилова не сомнѣвался.

Но уже на слѣдующій день настроеніе начало падать.

Англичане вернулись из Жлобина по телеграммѣ из англійскаго посольства и танков не привезли, а Георгіевскій батальон отказался поддержать ген. Корнилова, став на сторону Керенскаго. Через нѣсколько дней ген. Корнилов был арестован и заключен в гостиницу Эрмитаж, окна которой выходили на Днѣпровскій просп., соединяющій вокзал со Ставкой.

В Могилев пріѣхал Александр Феодорович Керенскій.

И вот тут, при первом же взглядѣ на новаго главнокомандующаго, каждый мало-мальски наблюдательный обыватель, невольно увидѣл разницу между властью, опирающейся на авторитет государства и властью, выдвинутой революціей и опирающейся на настроеніе массы и от нея зависящей.

Вождь законный осуществляет свою власть просто, увѣренно и спокойно.

Вождь революціонный ждет проявленій энтузіазма толпы, которая неожиданно для него самого его

выдвинула. Первому—толпа не нужна, для второго — это почва, без которой кругом уже пустота, которую нечѣм заполнить.

И Керенскій, выдвинутый толпой, был рабом толпы и это чувствовалось в каждом его взглядѣ и движеніи.

Проѣзжая в автомобилѣ в Ставку по Днѣпровскому проспекту, он жадно ловил крики каждаго ничтожнаго голоса, он влажными глазами всматривался в каждое лицо и как бы говорил: „кричите, кричите еще, поймите, что без вас, без ваших овацій я вѣдь всего на всего маленькій, ничтожный человѣк, такой же как вы, я сольюсь с вами и вам же от этого будет хуже“.

— Он проѣхал мимо Эрмитажа, гдѣ сидѣл Корнилов, сдѣлал строгое лицо, не взглянув даже на окно, гдѣ виднѣлась фигура Корнилова.

Вечером он пришел в театр.

Публика в театрѣ приняла его по разному.

Партер и ложи смотрѣли на него с любопытством, но без всякаго энтузіазма, галерка устроила бурную овацію.

У Керенскаго был утомленный вид, к тому же различіе в пріемѣ повидимому, подѣйствовало на его настроеніе и лишило его той атмосферы, которая возбуждала его ораторскій талант. Он говорить отказался и вскорѣ ушел из театра, провожаемый бурными аппло-дисментами той же галерки.

На слѣдующій день в вагонѣ, гдѣ он остановился, он принял союзных представителей при Ставкѣ.

Всѣ представители встали кругом стола. Керенскій, вмѣстѣ с ген. Базаровым, переводчиком при иностранных представителях, вошел и, не предлагая никому сѣсть, опершись на стол руками, начал говорить. Этот вольный жест возмутил англійскаго генерала Бартельса, привыкшаго к строгому англійскому этикету, и он, чтобы показать, что недоволен Керенским за его небрежное к ним отношеніе, взял свою фуражку и положил ее посреди стола.

Но Керенскій с англійским этикетом знаком не был и этого жеста не замѣтил.

Старѣйшій из иностранных представителей, кажется бельгійскій генерал, от лица всѣх их обратился

к Керенскому с рѣчью, требуя упраздненія приказа № 1 и возстановленія отданія чести, как основного положенія воинской дисциплины. Керенскій начал возражать, но представители не поняли ни единаго слова из рѣчи Керенскаго, так как это был какой то истерическій вопль, лишенный какого бы то ни было смысла.

Керенскій умолк и уже никто из союзных представителей не пожелал продолжать разговора.

Всѣ поняли, что с Россіей кончено, что она выбыла из строя.

А на фронтѣ становилось все хуже и хуже. Солдаты бѣжали с фронта, бросая оружіе.

Они уже радовались пораженіям, надѣясь, что это заставит скорѣе окончить войну. Участились случаи неповиновенія начальству и цѣлыя дивизіи отказывались идти в наступленіе.

В Ставкѣ началось смятеніе и когда новый главнокомандующій, генерал Духонин, приказал особому отдѣлу Ставки дать сводку о настроеніи и боеспособности арміи для врученія военным представителям, ѣхавшим во Францію, то на 15 октября 1917 года, канун большевицкаго переворота, были ему представлены такія свѣдѣнія, что он хватился за голову!

Он трижды возвращал через генерала Сулеймана эту сводку и просил ее смягчить.

Но смягчать было нечего...

Арміи фактически уже не было, была милліонная вооруженная толпа, не способная не только к военным операціям, но даже к организованному отступленію. Перед русским командованіем встала альтернатива: спасать союзников или спасать Россію.

Командованіе сохранило вѣрность союзникам и было сметено народной стихіей, стремившейся к миру во что бы то ни стало.

Все это время в Могилевѣ находился послѣдній представитель Царскаго Дома великій князь Сергѣй Михайлович. С него было взято обязательство о невыѣздѣ из города и он продолжал жить на тихой Малой Садовой улицѣ, совершая ежедневныя прогулки около дома.

Он уже не носил военной формы, а ходил в очень коротеньком пальто не по фигурѣ и в сѣрой

кепкѣ. Было жаль смотрѣть на этого князя, болѣзненнаго и, как будто, всегда смущеннаго, очень похожаго на Александра III.

И в то время, когда он был в Могилевѣ, с дворца Кшесинской, им же ей подареннаго, уже раздались первыя слова рокового голоса, вскорѣ прогремѣвшаго по всей Россіи.

Большевики в Ставкѣ.

Большевицкій переворот никого в Могилевѣ не поразил.

Многіе даже как будто обрадовались, рѣшив, что это начало конца революціи. Мало кто из обывателей слышал до революціи имя Ленина и знал программу большевицкой партіи. Казалось, что если временное правительство продержалось всего девять мѣсяцев, то большевики больше мѣсяца не просуществуют.

А потом, послѣ их паденія, опять все пойдет по старому, опять мирно и тихо заживет провинціальный обыватель, как кошмарный сон вспоминая вспышку революціи.

Болѣе же прогрессивная часть населенія твердо вѣрила в Учредительное Собраніе, думая, что только оно может окончательно возстановить законность и порядок. Но всѣ эти предположенія и надежды очень быстро разсѣялись, как дым.

В Могилев шли большевики во главѣ с Крыленко.

В это время в Могилевѣ засѣдал общеармейскій с'ѣзд. Представители его выѣхали на встрѣчу Крыленко для мирных переговоров в надеждѣ убѣдить его не предпринимать ничего против Ставки и сохранить ее, как необходимый техническій аппарат.

Встрѣча произошла в Витебскѣ, но никаких результатов не дала.

Духонин предполагал на автомобилях выѣхать в Кіев и перенести туда верховное командованіе, но Георгіевскій батальон задержал уже нагруженные автомобили.

В тот же день было собрано общее собраніе всѣх чинов Ставки, начиная от генералов и кончая писарями. На этом собраніи надо было рѣшить: сдавать ли большевикам Ставку без боя, или же, поль-

зуясь близостью к Могилеву частей ударнаго батальона, на которые еще можно было положиться, постараться в Ставку большевиков не допустить.

Настроеніе было мрачное.

Каждый понимал, что Ставка была послѣдним опорным пунктом, послѣ чего, всѣм тогда казалось, начнется неслыханная анархія и хаос.

На собраніе пришел главнокомандующій Духонин.

Он, обрисовав общее положеніе, сказал, что по его мнѣнію сопротивленіе невозможно, и, что он сам до послѣдней минуты останется на посту.

Послѣ него выступало много ораторов, но никто ничего опредѣленнаго не говорил и на вопрос начальника ударных батальонов, что он должен дѣлать — выступать против большевиков или уводить свои батальоны вглубь Россіи, никто ему опредѣленнаго отвѣта не дал.

Послѣ его рѣчи, при гробовом молчаніи, была вынесена резолюція, что сопротивленіе невозможно, что оно только озлобит большевиков и они могут разрушить Ставку, что нанесло бы смертельный удар фронту.

На слѣдующій день в Могилев пришли большевики во главѣ с главнокомандующим Крыленко.

Всѣми почувствовалось, что період слов кончился, начался період дѣйствія.

Крыленко многіе из старых студентов знали по 1905 году. На всѣх студенческих митингах неизмѣнно выступал маленькій, коренастый студент, потрясая горячія, молодыя сердца своими блестящими рѣчами.

И тогда никому не могло притти в голову, что, всего через двѣнадцать лѣт, этот круглоголовый юноша-студент займет пост главнокомандующаго всей русской арміи.

На вокзалѣ, несмотря на защиту Крыленко, толпа красноармейцев подняла на штыки генерала Духонина. Его изуродованный труп распяли в товарном вагонѣ, прибив руки гвоздями. В рот трупа вложили окурок и вся чернь ходила смотрѣть на поруганное тѣло ген. Духонина, плюя ему в лицо и осыпая страшными ругательствами.

В таком видѣ нашла его и его жена, которая, узнав об убійствѣ мужа, пріѣхала на вокзал.

Послѣ этого все вдруг, как по мановенію волшебнаго жезла, сразу смолкло, попряталось и город, только что жившій шумной жизнью, замер.

Всѣ увидѣли, что пришла страшная сила, сила нечеловѣческая и что нельзя жить так, как жили до сих пор.

Могилевцы заперлись по квартирам, закрыв ставни и опустив шторы. Даже в домах стали говорить шепотом.

А раз'яренные матросы и красногвардейцы из петербургских рабочих, ходили по городу, стрѣляя по окнам и наводя ужас и на без того уже перепуганнаго обывателя.

И стоя у окна квартиры, пріоткрыв краешек шторы, я в волненіи смотрѣла на двигавшихся по улицам красногвардейцев.

Невольно всплывали в памяти картины столь недавняго прошлаго,

1905 год...

Толпы студентов и рабочих идут к Таврическому дворцу... Сіяет солнце, льются весенніе потоки, всѣ радостные и счастливые идут на встрѣчу Свободѣ.

Выстрѣл... казаки... и все смѣшалось.

Но ни насиліе, ни даже сама смерть, не могли в тѣ времена разрушить в русской молодежи надежды на свѣтлое будущее.

Вся молодежь видѣла близкое осуществленіе свѣтлаго царства равенства, братства и свободы.

И вспомнилась другая картина, как бы прообраз того, что совершалось теперь.

Канун 17 октября 1905 года.

Была об'явлена всеобщая забастовка и столица замерла.

И вечером, в полной тьмѣ, рабочіе всѣх заводов и студенты всѣх высших учебных заведеній сплошным потоком вливались на Невскій.

Было темно и страшно.

Движеніе остановилось, фонари не горѣли и только многотысячная толпа демонстрантов медленно шла по Невскому.

Всѣ молчали и шли, шли охваченные одним чувством, одной мыслью!

Всѣ знали, что в каждом дворѣ спрятана полиція

и казаки. но и там, во дворах, царила тишина...

И тѣм, кто шли, и тѣм, кто был во дворах, было страшно этого моря людей, медленно двигавшагося по темной улицѣ.

И помню меня обуял ужас.

В ту минуту мнѣ не страшны были тѣ, кто были за закрытыми воротами дворов, мнѣ страшны стали тѣ, с кѣм я шла...

Несмотря на мертвое молчаніе от двигавшейся массы людей исходили токи такой ненависти и злобы, что я постаралась выбраться из толпы и свернула на Литейный.

И вот теперь эта толпа была властью.

Вѣками копившаяся ненависть вырвалась на волю, сокрушая все на своем пути!

А мы, русскіе интеллигенты, так недавно рука об руку шедшіе с народом, стоя за шторами своих квартир, почувствовали пропасть, которую уже нечѣм засыпать.

Слова о свободѣ и братствѣ, которыя нас раньше об'единяли, сейчас звучали насмѣшкой и мы с чувством ужаса смотрѣли на тѣх, из за которых так недавно мы готовы были жертвовать жизнью!..

Вскорѣ фронт придвинулся к Могилеву и Ставка во главѣ с Крыленко, переѣхала в Орел.

В Могилевѣ во главѣ болшевицкой власти стал прапорщик Гольман.

Начались аресты.

Одним из первых был арестован ксендз князь Святополк-Мирскій.

Дѣло ксендза Мирскаго было назначено к слушанію в годовщину переворота 28 февраля, в залѣ женской гимназіи.

Улик против ксендза не было никаких и всѣ были увѣрены, что его оправдают. Единственной уликой была маленькая бумажка, на которой были нарисованы какіе-то іероглифы.

Большевики думали, что это план расположенія польских войск, надвигавшихся на Могилев, ксендз же говорил, что он всегда рисовал различные значки на бумагѣ, когда сидѣл у письменнаго стола и разговаривал с посѣтителями.

Зал суда был полон, когда раздался лязг ору-

жія и в зал вошло 15 красноармейцев, исключительно подростков, с ружьями на перевѣс, и с револьверами в кобурах Они окружили зал и защелкали затворами. Никому из сидящих в залѣ не пришло в голову, что через нѣсколько минут эти ружья будут направлены против них.

Всѣ сидѣли спокойно и ожидали прибытія ксендза.

И вот, — открылась дверь, и всѣ увидѣли, что на порогѣ зала стоит ксендз окруженный солдатами, вѣрнѣе тѣнь от того ксендза, котораго могилевцы так хорошо знали.

Худой, блѣдный, с смертельно усталым лицом и большой бородой, он внушил всѣм страшную жалость и протест против незаслуженных страданій.

И здѣсь произошло непоправимое.

Уже прошло двѣнадцать лѣт со дня смерти кс. Святополк-Мирскаго и для меня, хорошо помнящей всѣ подробности этой трагедіи, стало теперь ясно, что ксендза Святополк-Мирскаго убили мы. Может быть, он еще остался бы жить, доказав на судѣ свою невиновность, если-бы мы, толпа, реагировали в тот момент иначе.

Но мы, увидя измѣненное, страдальческое его лицо, вдруг всѣ, как по какому-то приказу, подняли невѣроятный крик и с проклятіями кинулись на вооруженных с ног до головы красногвардейцев.

Красногвардейцы начали требовать, что бы мы замолчали, но мы кричали, не помня себя, не понимая, что этим мы вредим подсудимому.

И вдруг, во время этих диких криков, раздался выстрѣл.

Кто стрѣлял, так и осталось неизвѣстным. Или это был провокаціонный выстрѣл со стороны большевиков или же стрѣлял кто нибудь из публики.

Большевики взвели курки и раздался оглушительный выстрѣл из 15 винтовок, направленных в толпу.

Мы всѣ опустились на пол.

Красногвардейцы также встали на колѣни и начали давать залпы по лежащей толпѣ. Штукатурка попадала с потолка, раздались нечеловѣческіе крики раненых и всѣ потеряли от ужаса головы.

И только один ксендз Святополк-Мирскій стоял спокойно у дверей зала и двумя руками благословлял обезумѣвшую от ужаса толпу.

— Когда большевики разстрѣляли всѣ патроны и велѣли всѣм нам встать, то ксендза уже в залѣ не было. Его увезли обратно в тюрьму.

На полу в лужах крови лежало нѣсколько умирающих женщин, многіе были ранены, я каким-то чудом уцѣлѣла, хотя сидѣла в первом ряду и мое пальто и платье было прострѣлено в трех мѣстах.

Помню, как посреди зала, между скамьями, лежала какая то немолодая женщина.

Кровь фонтаном лилась из раны и директор банка Ю. Бехли старался руками заткнуть рану и остановить кровь.

А кровь лилась и огромная красная лужа растекалась по полу.

Ксендза подвезли к тюрьмѣ и прикладами втолкнули в камеру. Он, войдя в камеру, упал, не снимая пальто, на кровать и сказал своему сосѣду по койкѣ адвокату Б. П.: „меня погубила толпа!“

Лежа на койкѣ, он стал молиться, ожидая смерти. Через час или два его вывезли из камеры и прочли ему приговор революціоннаго суда. Он в тот-же день, 28 февраля был вывезен за город и убит вмѣстѣ с двумя арестованными милиціонерами. К смертной казни были приговорены и два защитника ксендза, но им удалось бѣжать из Могилева.

Труп ксендза, обезчещенный большевиками, нѣсколько дней лежал в канавѣ за городом.

Через недѣлю послѣ казни в Могилев вошли польскіе войска корпуса ген. Довбор-Мусницкаго и торжественно похоронили жертв большевицких звѣрств.

С приходом польских войск обыватель вздохнул свободно.

Открылись ставни, поднялись шторы и улицы наполнились толпой, радующейся уходу большевиков.

Но они были близко. Тут-же, за Днѣпром, они устроили свой штаб и ждали удобнаго момента, чтобы снова войти в город.

Нѣмцы в Могилевѣ и от'ѣзд из Россіи.

Лѣтом, в концѣ мая, в Могилев пришли нѣмцы.

Еще так недавно могилевскій обыватель с трепетом смотрѣл на карту, и видя приближающійся фронт, размышлял куда бы ему уѣхать, лишь бы не быть свидѣтелем униженія Россіи.

И вот теперь, послѣ ухода большевиков, нѣмцы уже не были страшны.

Они несли униженіе, но не несли смерти! Обыватель с безпокойством взирал на развивающуюся страшную силу большевизма и мечтал, что кто то должен спасти Россію. В Германіи еще видѣли силу, способную справиться с большевиками и вернуть порядок.

Но нѣмцы уже были не тѣ.

В Могилев пришли войска, спеціально предназначенныя для оккупаціи. У них еще была желѣзная дисциплина, но абсолютное отсутствіе воинственнаго пыла. Это были солдаты, которые могли, как прекрасный механизм, стоять на часах у б. Ставки, теперь нѣмецкаго штаба, могли, по распоряженію своего начальства, провести реквизицію продуктов, могли навести порядок в городѣ, но к наступленію они были уже неспособны. И офицеры, и солдаты мечтали только о мирѣ и о надеждѣ русских на поход вглубь Россіи не хотѣли и слушать.

Могилев не был для нѣмцев маленьким русским городком, каких они видѣли так много во время войны, это была для них бывшая Ставка, гдѣ только что сосредотачивалась жизнь всей русской арміи, откуда исходили приказы, гдѣ жили главнокомандующіе, имена которых были знакомы каждому нѣмцу. Для них на русском фронтѣ Могилев был конечным пунктом. Они не видѣли уже в русских врагов, это был побѣжденный народ, не внушавшій им страха. Они знали, что русскую армію побѣдили не только они,

что русская армія была также побѣждена стихійным бѣдствіем и с безпокойством всматривались в начинающіеся и у них признаки разложенія арміи, не имѣя возможности скрыть свою тревогу.

А могилевскій обыватель, слыша из-за Днѣпра звуки интернаціонала, забывал так же в нѣмцах врагов, смотрѣл на них умоляющим взглядом, видя в них единственное спасеніе от большевизма. Большевики же грозили и время от времени пересылали в город „черные списки", в которых чуть ли не вся могилевская интеллигенція приговаривалась к смерти. И когда нѣмцы об'явили об оставленіи города, всѣ переполошились и спѣшно начали готовиться к от'ѣзду. Уѣзжавшіе раздѣлились на два лагеря. Одни ѣхали на юг: Кіев, Одесса, Крым, другіе на запад—Польша, Латвія, Литва. Спѣшно распродавали имущество, стараясь взять с собою как можно больше думских, керенских и царских денег.

Среди лиц, собирающихся оставить город, были и такіе, для которых уже не было ни надежды, ни мечты на лучшую жизнь.

Ярким примѣром такого опустошеннаго человѣка была вдова генерала Скалона. Эта маленькая, изящная женщина, во время войны вышедшая замуж, получив извѣстіе, что муж ея застрѣлился, не желая подписать брестскаго мира, с удивленіем смотрѣла на всѣх нас еще мечтающих о какой то новой жизни и о спасеніи себя и дѣтей.

В концѣ іюля, перед самым уходом нѣмцев, пришло извѣстіе об убійствѣ царской семьи.

Для могилевцев это не было только царская семья, это была семья, которая только что жила в этом городѣ, каждый их знал, много раз видѣл и потому, когда была об'явлена по ним панихида в соборѣ, массы народа пришло на это первое трагическое богослуженіе.

И когда раздавались слова „за убіенных и замученных рабов Божіих Николая, Александры, Алексія, Ольги, Татьяны, Маріи и Анастасіи", всѣ с рыданіями опустились на колѣни.

Панихида об'единила всѣх, и всѣ не скрывали своих слез. Со смертью царской семьи начиналась

новая эпоха как в жизни Россіи, так и в жизни каждаго русскаго человѣка.

И всѣ могилевцы оплакивали Россію, прошлое, себя!

Наконец день от'ѣзда настал.

Послѣднія об'ятія с людьми, с которыми было пережито столько событій, послѣдніе поцѣлуи с родными, которых никогда уже не суждено увидѣть.

Поѣзд начал отходить... Минул вокзал, домик начальника станціи, могилевское предмѣстье, и наконец, лѣс, закрывшій от нас навсегда очертанія города.

Дѣти, радостные от необычной обстановки, сгрудились у окна и с любопытством смотрѣли на мелькающія деревья. „Мама, это дремучій лѣс?“ „Да, дѣтки, дремучій“. „А почему мы не видим волка”?

Во время таких разговоров в наше купэ вошел старый солдат-нѣмец, он спросил, куда мы ѣдем и узнал, что мы покидаем Россію и ѣдем заграницу, погладил моего младшаго сына по головѣ и сказал: „бѣдные русскіе дѣти, лишенные родины“.

Дѣти с удивленіем посмотрѣли на нѣмца, они не могли понять его сожалѣнія. Не поняли этого тогда и мы, взрослые. И вот прошло долгих тринадцать лѣт, дѣти выросли и всѣм нам стали понятны слова стараго нѣмца.

„Бѣдные, русскіе дѣти, лишенные родины”.

Издатель: М. Ф. СОКОЛОВ.

Складъ изданія:
KSIĘGARNIA „SŁOWO", WILNO, WIELKA 12